
МАЙЯ
ФАР
УКРОЩАЯ
ДРАКОНА

Майя Фар
Укрощая дракона

https://litres.ru/73968059
SelfPub; 2026

Аннотация

Дарья привыкла спасать жизни в операционной, но проснувшись в теле принцессы Адарис с новорожденным сыном на руках, она попадает в кошмар чужой судьбы. Теперь, она должна спасти ребёнка и себя, и укротить зверя в том, кто разрушил прежнюю жизнь её предшественницы, прежде чем проклятие превратит его в чудовище навсегда.

Она — хирург из XXI века

Он — проклятый генерал-завоеватель

Между ними — ребёнок, о котором он не знает

Вас ждёт:

Попаданка с современными знаниями

Проклятый генерал, превращающийся в зверя

Тайный наследник

От врагов к возлюбленным

Медленное сближение

Магия, интриги, предательство

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	42
Глава 9	48
Глава 10	56
Глава 11	60
Глава 12	67
Глава 13	73
Глава 14	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Майя Фар
Укрощая дракона

«Укрощая дракона»

Глава 1

Дарья

Я проснулась от крика ребёнка.

Сознание возвращалось обрывками. Сначала я услышала плач — детский, надрывный; так плачут малыши, срочно требуя к себе внимания. Потом вернулось ощущение тела. Я почувствовала боль, и это меня порадовало: значит, жива, и если я чувствую боль, значит, позвоночник цел. Потом вернулось обоняние, и я ощутила запах: пахло дымом, травами и ещё чем-то незнакомым, неприятным, ударяющим в нос.

Я открыла глаза.

Потолок был деревянным, надо мной были грубо отёсанные балки; зрение у меня было отменным, потому что, несмотря на полумрак, я разглядела даже паутину на краю балок. В больнице такого точно не могло быть. Где я?

Я попыталась сесть, и вдруг почувствовала боль внизу живота. Я схватилась за край... кровати и вдруг поняла, что это не кровать; вернее, кровать, но не та, к какой я привыкла. Эта была жёсткой, будто сколоченной из дерева, без реек, и подо мной был не матрас — я даже не знала, как это назвать. В голову пришло слово «тюфяк».

Плач усилился.

Я повернула голову.

На полу в плетёной корзине лежал младенец. Совсем ма-

ленький: тёмные кудрявые волосёнки, красное от крика лицо, прикрытые глазки, крошечные кулачки размахивают в воздухе. Новорождённый? Чей ребёнок?

И вдруг я сопоставила своё состояние и малыша. Это мой ребёнок? Но я не была беременна. Я…

Я огляделась, мозг постепенно воспринимал информацию. Комната, в которой я находилась, была маленькой, с одним окном, в которое было вставлено мутное стекло. За окном, судя по всему, наступал день, но ещё было очень рано, потому что свет был серый. Небольшая печка, стол, на котором стоял глиняный горшок, такая же глиняная миска.

Это не больница. Что это?

Память возвращалась обрывками, но полная картина никак не складывалась. Последнее, что я помнила, — это срочный вызов, вторая ночь на ногах, сложная операция и раннее утро. Васильевна, наша старшая медсестра говорила: «Дарья Александровна, поспите пару часов, потом поедете», но я знала, что пара часов, потом ещё пациенты — и до вечера не уеду. Надо уезжать сейчас, пока затишье. И я уже представляла, как приму душ и вытянусь на кровати. И вдруг — удар и звон бьющегося стекла. Я уснула за рулём. «Только бы никого не убила», — была последняя мысль. И уже находясь в угасающем сознании, я зацепилась взглядом за огромный КамАЗ и обеспокоенное лицо водителя. Живой...

А потом — плач ребёнка.

Ребёнок заплакал ещё громче.

Я заставила себя встать. Ноги подкосились, мир закружился. Я потянулась, придвинула к себе корзину. Ничего себе слабость, неужели я и правда рожала? Если это вообще я. Руки не мои, ноги не мои. У меня нормальный сороковой, а здесь ножка маленькая, миниатюрная.

Я наклонилась и с трудом подняла ребёнка. Малыш открыл глазки, и мне показалось, что они не обычные голубые, как у большинства малышей, а серебристые. Он прижался к моей груди, уткнулся носом и затих. Судя по родничку, ему от силы несколько часов. Я понюхала: пах малыш чем-то сладким.

— Окей, — пробормотала я. — Я понятия не имею, что происходит, но ты точно не мой ребёнок. У меня нет детей, я даже не замужем. Так что, малыш, где твоя мама?

Я ещё раз осмотрела комнату: должно же здесь быть зеркало. Но, кроме непонятных образóв в углу, совершенно не похожих на обычные иконы, ничего не было.

Вдруг распахнулась дверь.

Глава 2

Я обернулась.

В проёме стояла крошечная, согбенная старуха; она подслеповато щурилась, глядя на меня с ожиданием.

— Ты проснулась, — сказала старуха скрипучим голосом, но прозвучало это по-доброму. — Я рада, что всё получилось.

— Кто вы? — Я вдруг поняла, что именно она может мне всё рассказать, и спросила: — Где я?

Старуха вошла, прикрыла дверь. Двигалась медленно, тяжело опираясь на палку, явно самодельную, но гладко отполированную.

— Меня зовут Морвена, и если у меня всё получилось, то ты из другого мира.

Я замерла. Внутри вдруг что-то сжалось, и сильно заболела голова.

Старуха, несмотря на древний вид, шустро ко мне подскочила и забрала ребёнка из рук.

— Приляг, — произнесла она. Положила уснувшего малыша в корзинку и пошла к столу, взяла кувшин и налила мне что-то в глиняную кружку.

Я глотнула, это был какой-то кисловатый отвар, похожий на несладкий морс.

— Что вы сказали?

Морвена поставила кувшин, подошла к печке, подбросила дров, после этого вернулась и села напротив меня:

— Ты не из этого мира, дитя. Это я призвала тебя.

— Призвали? Я не понимаю... — Я попыталась вскочить.

— Сядь. — В голосе Морвены было что-то такое, что заставило меня успокоиться. — Я объясню, а ты послушай; времени у меня мало.

Я не поняла, почему у неё времени мало, но она была права: надо было выслушать её до конца.

Морвена вздохнула:

— Я не причиню тебе вреда, наоборот, я дала тебе второй шанс. Я призвала твою душу из умирающего тела в твоём мире; если бы ты не умерла там, то душа не откликнулась бы; но раз ты здесь, значит, там твой путь окончен.

Я сделала несколько глубоких вдохов, сложно было признать, но, похоже, старуха говорила правду. Я тоже помнила свою смерть.

— Тело, в котором ты находишься, — продолжила Морвена, — принадлежало принцессе Адарис.

Я с подозрением оглядела себя и бедняцкую избу, в которой мы находились.

Морвена усмехнулась:

— Не смотри на убогую обстановку и одежду, Адарис была принцессой павшего королевства. Девять месяцев назад её королевство завоевали, её отца убили, а саму её взяли... как трофей. — Морвена сделала паузу. — Тот, кто это сде-

лал, очень жесток, и Адарис ждала печальная участь, но она нашла в себе силы бежать, а я помогла ей.

Я посмотрела на старуху: она была очень ветхой, и в то же время в ней была какая-то странная сила. Но что-то не стыковалось, и я спросила:

— Этот ребёнок от насильника?

Морвена вновь тяжело вздохнула:

— Да, и Адарис прокляла его, но тогда она не знала, что у неё родится его сын. Откат от проклятия мог лечь на ребёнка, но она забрала его и умерла. Я же поклялась ей, что найду ту, что вырастит её сына.

Я слушала и не верила, но глаза мои говорили о том, что всё это правда.

Морвена указала на ребёнка в корзине:

— Это Лиам, сын Адарис и генерала Лаэрта Драконье Сердце. Теперь он твой сын.

— Постойте. Вы хотите сказать, что я в теле мёртвой принцессы должна растить ребёнка и жить здесь?

— Да. — Морвена наклонилась ближе. — Но ты должна знать, что проклятие Адарис работает, и генерал превращается в чудовище; скоро он станет зверем навсегда. И если это случится, то проклятие перекинется на малыша, как на того, в чьих жилах течёт кровь генерала.

Я с подозрением взглянула на старуху:

— А я здесь при чём?

— Тебе придётся найти способ снять проклятие.

— И что это за способ такой? — Мне показалось, что Морвена знает, но не договаривает.

— У каждого проклятия есть условие, и у этого тоже, — загадочно произнесла она и добавила: — Искупление. Дракон должен искупить свою вину.

— Дракон? — удивилась я: вроде бы речь шла о генерале.

— Это мир, где правят драконы, — произнесла Морвена.

Видимо, информация про драконов оказалась последней каплей, что переполнила чашу моего сознания, потому что голова вдруг закружилась так сильно, что я провалилась в темноту.

Глава 3

Адарис, меньше года назад

Дворец горел.

Адарис стояла у окна своих покоев и смотрела, как языки пламени пожирают восточное крыло дворца — то самое, где всего несколько недель назад она училась играть на клавесине. Она всё ещё слышала замечания учительницы, когда она слегка сбивалась, отвлекаясь на мысли о предстоящем бале в честь дня рождения отца. Собственно, к нему она и готовилась.

Отец как-то пошутил, когда она захотела научиться играть на арфе и у неё ничего не вышло: «Ты принцесса Элариии, дочь моя, но музыкант из тебя никудышный». И теперь ей хотелось доказать ему, что это не так.

Теперь отца больше не было.

Дым поднимался к небу чёрными столбами, заслоняя луну. Богиню, которой молились в этом королевстве веками. «Защити нас, Серебряная Мать», — шептала Адарис каждую ночь перед сном.

Но богиня не защитила их, вероятно, они чем-то прогневали её.

За дверями послышались тяжёлые шаги, сопровождавшиеся лязгом доспехов. Адарис выпрямилась, вздёрнула голову; она знала, кто идёт. Чудовище, тот, кто прошёл с огнём

и мечом по всей Эларии, убил её брата, потом отца и теперь идёт, чтобы уничтожить её. Генерал армии Соларниса, Лаэрт Драконье сердце.

— Ты кто?

Голос был низким, хрипловатым, легко представлялось, что таким голосом отдаются приказы убивать. Адарис отступила к стене: так было легче. Всё же стоять напротив дракона, чей меч был в крови, когда ты только достигла совершеннолетия и ещё вчера была беззаботным ребёнком, было непросто. Колени у Адарис ослабли.

Генерал Лаэрт стоял в дверном проёме — огромный силуэт в чёрных доспехах, залитых кровью. Кровью её людей, возможно, даже кровью её отца. И Адарис впервые так близко увидела его лицо: резкие черты, шрам через левую бровь, серебристые глаза, которые смотрели на неё с холодным любопытством.

— Я Адарис, — сказала она, удивившись, как жалко это прозвучало. И сама на себя разозлившись, она почти выкрикнула: — Дочь и сестра тех, кого ты убил, чудовище.

Генерал усмехнулся:

— А ты смелая! Я могу сохранить тебе жизнь.

Он подошёл близко, и Адарис почувствовала запах горячего железа. Он пах огнём и кровью. У неё закружилась голова, и стало не хватать воздуха.

— Ты вкусно пахнешь, — сказал генерал, прижав её к стене и упёршись лицом ей в шею.

Адарис выхватила кинжал из ножен и ударила его. Но кинжал лишь скользнул по броне, а генерал перехватил её руку, сжал — и кинжал выпал из девичьей ладони.

— Я оставлю тебе жизнь, но взамен ты сегодня взойдёшь ко мне на ложе. И это станет последней крепостью Эларии, которую я взял. — И он мрачно усмехнулся.

Адарис сначала ужаснулась и хотела крикнуть, что она лучше умрёт, — пусть бы он убил её. Но потом она вдруг поняла, что это шанс. Что она может отомстить за убитых родных и разграбленную страну. И в груди у неё как будто расцвёл огненный цветок: она проклянёт его своей первой кровью. Его страсти его погубят.

— Что ты молчишь? — сказал он так, будто потерял интерес, и тогда Адарис плюнула ему в лицо.

Он вытер слюну тыльной стороной кисти, не сводя с неё глаз. В серебре его взгляда появилось что-то новое. Гнев? Или интерес?

— Храбрая, — отметил он. — Но глупая.

Он притянул её ближе. Адарис ударила его свободной рукой, кулак отскочил от нагрудника, руке стало больно, и она поморщилась. А он как будто не заметил, снова вдохнул её запах и впился поцелуем в её губы. Адарис ещё ни разу не целовалась, но даже так она поняла, что этот поцелуй был неправильный, генерал словно клеймил её.

— Если ты мне понравишься, то я оставлю тебя себе… на какое-то время.

Адарис подумала: «Усмехайся, пока можешь, скоро тебе станет не до смеха».

***

Я открыла глаза, вскочив. Сердце билось как сумасшедшее, губы горели, словно это я только что целовалась с генералом Лаэртом.

Я вдруг поняла, что я спала и всё это мне снилось.

Я по-прежнему находилась в хижине Морвены, ребёнок на удивление тихо спал в люльке, за окнами была ночь.

Глава 4

Я спросила Морвену, и она рассказала мне, что той ночью Адарис прокляла генерала Лаэрта Драконье Сердце. Она использовала всю свою магию, всю боль и всю ненависть. Она прошептала древние слова, которые передавались из поколения в поколение в роду лунных королей; и когда её первая кровь окропила его постель, проклятье вцепилось в того, кто взял силой дочь Луны.

«Зверь в обличье человека, пусть твоя истинная суть явится миру. Ты станешь тем, кем был всегда, — чудовищем без сердца».

Магия приняла проклятие, и когда генерал уснул, погрузившись в магический сон, Адарис бежала из дворца, который когда-то был её домом, а теперь мог стать позорной тюрьмой.

Остались ещё те, кто не побоялся помочь принцессе, они помогли ей пробраться через всю страну сюда, в горную долину, в заброшенную деревню Сильверис на самой границе, где не было никого из завоевателей.

Генерал искал её долго, пока ему не пришёл приказ возвращаться в свою империю. И опасаясь того, что он её найдёт, Адарис изменила внешность: синие глаза стали серыми, яркие волосы стали тусклыми — теперь даже те, кто её хорошо знал, с трудом могли узнать красавицу принцессу.

А Адарис в следующий лунный цикл узнала, что беременна.

Я слушала старую знахарку, и этот рассказ напоминал мне страшную сказку, вот только теперь я оказалась главной героиней этой ужасной истории.

А на мой вопрос, разве нельзя было магически или при помощи трав заранее позаботиться, чтобы не было последствий, Морвена ответила:

— Королевская кровь может родиться только от истинной связи.

Я с удивлением посмотрела на старую знахарку:

— А что это значит?

— Это значит, что Адарис была предназначена генералу Лаэрту.

И вот на этом месте у меня возник диссонанс, потому что всё, что я знала об истинной связи, было почерпнуто из фэнтезийных книжек, коими была завалена моя библиотека. А что? В свободное время я очень любила читать истории о любви и приключениях, могла себе позволить. Кстати, весьма полезно для незамужней женщины под сорок, перегруженной работой.

— Но если она была его предназначенной, разве не должны были они ощутить мгновенное влечение и любовь друг к другу?

Морвена хрипло рассмеялась:

— Не знаю, с чего ты взяла это. Конечно, нет. Мгновенно

только в сказках происходит, а так это только признак того, что Луна подарит здоровых и сильных детей. И драконы это чувствуют.

— А что же этот Лаэрт не ощутил? — Мне так и не было понятно, и всё ещё живо было воспоминание ужаса, охватившего Адарис во сне.

— Он и ощутил, — грустно сказала Морвена, — вот только кровь, смерть и азарт битвы не дали ему осознать, что рядом предназначенная.

И я вдруг вспомнила, что он всё время принюхивался, об этом и спросила у Морвены.

— Да, — ответила она, — драконы вообще очень сильно реагируют на магию, которая часто проявляется запахом. — Потом она грустно на меня посмотрела и вздохнула. — Вот и Адарис поняла, что он её предназначенный, только когда прошёл лунный цикл. И уже тогда она осознала, что натворила, потому что наложенное проклятие действует до седьмого колена, и его сын, только родившись, тоже сразу подвергнется его воздействию.

— И что теперь? — спросила я. — Неужели нельзя было попробовать договориться с генералом и…

Морвена снова рассмеялась:

— Адарис ненавидела генерала и его ребёнка тоже, она буквально дышала этой ненавистью. — Старая знахарка опустила глаза. — Я видела, что это её убивает, но ничего не могла поделать. И когда пришла пора рожать, Адарис не дала

мне помочь ей. Но в последний момент, услышав крик своего сына и уже уходя, она взяла с меня клятву, что я найду сильную душу — и она вырастит ребёнка и сможет исцелить генерала, сняв проклятие.

— А что генерал? — спросила я, уже понимая, что попала.

Морвена пожала плечами:

— Говорят, что он стал ещё ужаснее, но императору это нравится: благодаря жестокости генерала он выигрывает самые безнадёжные сражения, а его империя растёт.

— А как же действует проклятие? — Мне так и не было понятно, что значит стать зверем, если он уже… дракон. — Он что, превратится в дракона и не сможет превратиться обратно?

— Не так, — сказала Морвена. — Он потеряет разум и станет зверем, всё человеческое в нём исчезнет.

— И что?

— И его надо будет убить, потому что иначе убивать будет он. Так действует проклятие: жажда крови и смертей.

Я посмотрела на Морвену:

— И вы думаете, мне под силу будет справиться с ним?

Морвена грустно улыбнулась, обнажив белые зубы, и я подумала, что в таком возрасте сохранить все зубы — это ещё надо умудриться. Или это тоже магия?

— Ты можешь отказаться, тебе ничего за это не будет.

— А ребёнок? — спросила я, глядя, как малыш ворочается в люльке: сейчас точно надо будет кормить.

— У него не было шанса с самого начала, — мрачно сказала Морвена. — Ребёнок врага. Скажи мне, если ты не станешь бороться, — я лучше заберу его с собой.

— Куда заберёте? — с подозрением поинтересовалась я.

— В лунный мир, — ответила Морвена. — Мне осталось немного, может, несколько дней, ты не бойся. Я дам ему молочка с росянкой и возьму этот грех на себя.

И тут до меня дошло, о чём она говорила.

— Вы чего, совсем, что ли? Я просто спросила! Не вздумайте никакой росянки. Вылечу я вашего генерала… нежно и аккуратно.

И я уже встала, чтобы подогреть козьего молока, потому что материнского у меня не было.

И меня словно молнией ударило:

— Что значит вам осталось немного?

Глава 5

— Что значит вам осталось немного, Морвена?

Морвена грустно улыбнулась.

Я обратила внимание, что она вообще всё это время, все эти несколько дней нашего знакомства, была грустной.

— Такая сильная магия, девочка, — сказала она, — всегда берёт свою цену. Чтобы призвать твою душу, я заплатила жизненными силами; и я думаю, что мне осталось от силы несколько дней. Потом я уйду.

У меня даже слёзы навернулись на глаза.

— Что значит уйду? Подождите, Морвена! Вы что, меня тут одну оставите?! Я же ничего не знаю!

— Вот именно, Дарья, — неожиданно жёстко прозвучало от Морвены — так, что моя начинающаяся паника сразу утихла. — Поэтому давай не будем тратить время на пустые разговоры. Давай я научу тебя тому, что знаю, чтобы ты чувствовала себя более уверенной. — И Морвена спросила: — Кем ты была до того, как попала сюда?

— Ну, вообще, я врач.

Морвена посмотрела на меня с удивлением.

— Ну, целитель по-вашему, лекарь, — исправилась я.

— Это большая удача, — улыбнулась Морвена.

— Но дело в том, — решила я её немножко расстроить, — что в нашем мире нет магии, и лечим мы совсем другими

методами.

— Но здесь у тебя магия обязательно проявится, — сказала она мне.

Я замолчала, прислушавшись к себе, но не заметила никаких изменений.

— Это происходит не сразу, — сказала Морвена. — Но это обязательно будет. Наш мир насыщен магией, и, как правило, магия появляется в человеке или в любом другом существе в зависимости от его талантов. Только драконы всегда рождаются с огненной магией.

— А та магия, которая была у Адарис? — спросила я. — Что с ней?

— Магия же не в теле. — Морвена снова грустно улыбнулась и продолжила: — Магия — это сила души. Тело лишь проводник, поэтому Адарис забрала свою магию с собой. Но не печалься, у неё была сложная магия. Тем более что она произнесла страшное проклятие, а это всегда влияет на магию, и не в лучшую сторону. У тебя точно будет своя.

После того как Морвена это сказала, на лицо у неё снова набежала грусть, и она, тяжело поднявшись, как будто каждое движение доставляло ей боль, подошла к полке на стене и вытащила оттуда толстую книгу в кожаном переплёте. Положила её передо мной:

— А пока позволь мне научить тебя хотя бы тому, что должна знать травница. Вот здесь у меня есть записи, и ты всегда сможешь их посмотреть.

Глядя на моё лицо, на котором отразилось неверие в то, что я смогу быстро освоить знахарскую специальность, Морвена добавила:

— Никто не будет ждать от тебя чудес, потому что большинство знахарок здесь не обладают сильными магическими способностями. Мы можем увидеть, чем болен тот или иной человек или другое существо, но не всегда можем это вылечить.

Морвена рассказала, что в лесах и в полях этого мира растут травы, которые могут применяться в лечении почти что всех заболеваний.

— У меня они собраны, — улыбнулась Морвена и показала мне маленькую каморку, о существовании которой я даже не догадывалась. Дверь в неё находилась за печкой, и таким образом там всегда было тепло и сухо.

Показав, как травы хранятся, Морвена снова открыла свои записи, которые, хоть и были написаны на незнакомом мне языке, я смогла прочесть. Морвена сказала, что этот эффект оттого, что Адарис была грамотной, и это передалось мне.

— Чтобы пополнить запасы, тебе нужно будет заглядывать в этот календарь, когда за какой травой идти в лес. Но что-то мне подсказывает, что ты недолго пробудешь в этой деревне.

А вот это меня неприятно поразило.

— Как это недолго? А куда же я денусь?

— Путь новой души, — снова словно рассказывая легенды, сказала Морвена, — это всегда тайна, скрытая туманом, даже для сильных провидцев. А уж у меня-то совсем слабый дар. Одно могу сказать: придя сюда, ты вступила на путь изменений, и ты только в начале этого пути. Даже захоти ты остаться здесь, в этой глухой деревне, вряд ли у тебя это получилось бы.

Но пока у меня не было времени задумываться об этих словах: и так было страшно, что скоро останусь одна с малышом на руках.

В течение следующих двух дней Морвена почти беспрерывно передавала мне свои знания. Я иногда стонала, что ничего не запомню, но старушка лишь улыбалась и говорила, что я себя недооцениваю. Помимо этого, она познакомила меня с жителями деревни, потому как Адарис все знали, а вот я в её теле не знала никого.

В деревне был староста, Данор, который представлял здесь закон. Пожилой дядька, немного прижимистый, но видно было, что не подлый. И кстати, у него в доме было зеркало. Потому что, как оказалось, зеркало — это предмет роскоши.

И то зеркало, которое было у Адарис, было крохотное. Я так полагаю, что большое она не смогла вынести из дворца и взяла с собой то, что уместилось в кармане. В зеркальце Адарис я смогла разглядеть разве что глаза, которые, в отличие от рассказа Морвены, были не блёкло-серого цвета, а

грозового стального. Зато синевы в них не было вообще.

И Морвена сказала, что в этом и есть отличие, потому что у Адарис в её настоящей внешности глаза были синие.

— Такие синие глаза невозможно забыть, Дарья, — сказала она. — Поэтому, даже если случится так, что ты встретишь генерала и он будет настолько близко, чтобы заглянуть тебе в глаза, он не узнает. Ну и проклятие работает таким образом, что чем дольше оно держится на генерале, тем меньше он помнит внешность того, кто его проклял. Если только его ненависть не выросла достаточно сильно, тогда ненависть будет поддерживать его память.

А вот в доме у старосты зеркало было довольно большое. Я бы сказала, что в него умещалась моя голова. И вот как раз волосы были яркого медного оттенка.

И Морвена призналась, что после родов действительно наложенное изменение цвета волос спало, а у неё уже не хватит сил, чтобы его вернуть.

— Но волосы не проблема, — сказала она. — Вдовы часто носят платки, и ты можешь носить платок; здесь, в деревне, и так все думают, что ты вдова.

Но во всём остальном, я бы сказала, я была красавицей: идеальной формы лицо, высокий лоб, прямой нос, сильный подбородок, чётко очерченные, чуть пухлые губы, высокие скулы и большие глаза. Чистая кожа, уже не такая белая, как, я полагаю, она была до того, как Адарис стала жить деревенской жизнью. Но этой внешности такой слегка медовый от-

тенок кожи шёл даже больше, чем если бы кожа была совсем белая.

Морвена рассказала старосте, что у меня родился ребёнок. Староста его записал в книге поселения под именем Лиам. Поскольку моё происхождение не афишировалось, то фамилия ребёнку не требовалась, простолюдинам достаточно было имени. Так и был записан: Лиам, сын Дарьи.

Морвена бойко перемещалась вместе со мной по деревне, со всеми здоровалась. Люди, кстати, здоровались и со мной, называли меня Дария, но я потихоньку говорила, что можно называть просто Дарья. И Морвена меня поддерживала, улыбалась и рассказывала, что теперь я стала мамой и имя должно быть соответствующее.

И я так понимаю, что Морвена ещё тогда, когда была жива Адарис, предположила такой ход событий и сделала всё, чтобы люди в деревне знали о ней и хорошо к ней относились.

Но глядя на то, как она живенько бегает по деревне и со всеми общается, сложно было представить, что через несколько дней её не станет.

Но так и произошло.

Через пять дней я похоронила Морвену на местном погосте. Мне помогли вырыть могилу, поставить ограду. Много людей из поселения пришли попрощаться со знахаркой.

Я вернулась домой, вдруг поняв, что осиротела. Покормила Лиама, положила его в люльку. И вспомнила, как точно так же в своё время осиротела в другом мире.

Мама растила меня одна. Всё сделала для того, чтобы я выучилась. Я старалась, сама поступила во второй медицинский, закончила его с отличием. Я уже стала хирургом, ведущим хирургом отделения, когда вдруг мне позвонили и сказали, что надо приехать. Мама жила в другом городе, недалеко от столицы, где я работала. Я сразу приехала и успела. У меня было несколько часов, чтобы попрощаться.

И вот теперь снова... Я совсем мало знала Морвену, но почему-то здесь, в этом мире, она стала мне словно мама — настолько близким человеком. Возможно, потому, что, когда я только пришла в себя, она была первой, кого я увидела. Не знаю, как это работает психологически, но... долго скучать мне не дали. В дверь постучали.

— Дария! Помоги!

Я оторвалась от грустных размышлений, побежала к двери.

— Что случилось?

Оказалось, что это одна из соседок, Лира.

— Муж ранен! Рана большая!

Я сразу собралась. Посмотрела, где что, схватила корзинку, в которую ещё Морвена складывала свои нехитрые инструменты, положила в неё несколько пузырьков из тех, что при таких случаях могли понадобиться. И мы побежали в дом Лиры.

За Лиамом я попросила присмотреть дочь Лиры, которая прибежала вместе с ней.

Глава 6

Генерал Лаэрт

Боль началась сразу, как зашло дневное светило. Ночь — её время: когда всходила луна, приходила боль. Сколько он уже не спит? Полгода? Год? Он не помнил. Когда это проявилось впервые? Он сначала даже не понял, что это. Прямо на императорском приёме, на праздновании: он только что вернулся из покорённой Эларии, и в его честь император дал приём.

Тогда это и началось. Он даже подумал, что его отравили. Но драконий огонь выжигает любой яд, если только…

Если только он не сделан из крови его истинной. Только кровь истинной, предназначенной дракону пары может пробить естественную защиту. Но у генерала Лаэрта не было слабостей и не было истинной.

А потом начались другие проявления. Агрессия, неконтролируемая злоба; он чуть было не убил единственного друга и соратника Торена, с которым они с детства были вместе и прошли немало войн.

Теперь люди разбегались при виде генерала, и это был не просто ужас — это был страх смерти. Смерть теперь всегда была рядом с ним, но теперь он сам стал её предвестником.

Если он появлялся у кого-то в доме, то там кто-нибудь умирал; если он дотрагивался до человека, то этот человек

заболевал и умирал в мучениях. Он стал изгоем, император тоже его боялся. Но число побед только росло, и последний год он провёл на войне, завоевав всё. Империя стала огромной, и император отправил его отдыхать.

Это было унижением, но генералу уже было всё равно: он умирал. Проклятие сжигало его.

О том, что он проклят, он узнал в последнем завоёванном королевстве, даже не королевстве, а в небольшом княжестве.

Он сломил сопротивление быстро, буквально за несколько дней. Молодой князь, только вступивший на престол после смерти отца, был им убит в битве на второй день после вторжения.

И генерал беспрепятственно прошёл по княжеству. Солдатам он дал день на разграбление: так было со всеми, кто оказывал сопротивление.

Он же прошёл в княжеский дворец, там оставалась семья князя: вдовствующая княгиня-мать и сёстры.

Княгиня встретила его в личных покоях, она была стара и не боялась его. Все знали, что генерал в каждой стране берёт на первую после завоевания ночь женщину, которая потом умирает. И старая княгиня убила дочерей сама, только чтобы они не достались чудовищу.

— Почему ты не убила себя? — спросил он.

— Может, я хочу ублажить тебя напоследок, генерал? — хрипло рассмеялась ему в лицо старая княгиня. — А потом она вдруг прищурилась и рассмеялась ещё громче. — Да ты

проклят! И это сильное проклятие! Я благословляю того, кто сделал это. Тебе никогда его не снять.

— Почему? — неожиданно растерялся генерал.

— Потому что, чтобы снять проклятие, она должна тебя полюбить, а жертва твоего насилия никогда этого не сделает. Да и тебе осталось немного. Ты ведь уже начал превращаться в безмозглого зверя?

Он не хотел её убивать, но рука сама подняла меч.

И в эту ночь он впервые потерял себя, уничтожив своих же солдат, тех, кто не успел спрятаться. И он понял, о чём говорила старая княгиня. Безмозглый зверь — такими становились те драконы, кому незачем было жить. Но с его проклятием он станет не просто зверем — он станет бешеным зверем.

Он видел таких в яме у императора: поверженные враги тоже иногда становились такими, и император держал их для забавы. И генерал понял, что это и есть его будущее — стать забавой для тех, кто когда-то боялся смотреть ему в глаза.

И теперь он каждое полнолуние запирался в подвале и наутро обнаруживал следы зверя, который пытался выбраться из клетки, куда он запирал себя сам.

Во все остальные ночи приходила боль.

Вот и сегодня, луна была молодой, и Лаэрт с заходом солнца уже начал чувствовать её: острую, режущую, будто кто-то вспарывал его кожу изнутри, пытаясь выбраться наружу. Он сжал зубы, чтобы не закричать, и посмотрел на правую руку.

Чешуя, серебристо-чёрная, жёсткая, ползла от запястья к локтю. После прошлого полнолуния кожа была чистая.

Проклятие ускоряется.

Лаэрт сел на кровати, тяжело дыша. Комната плыла перед глазами. Он схватил кувшин с водой, выплеснул на лицо. Щёки горели. Лаэрт встал, подошёл к зеркалу и зажёг огонь на ладони, потому что ему показалось, что на его лице вылезла чешуя.

Но пока лицо было чистым, и только глаза светились стальным блеском, зрачки были вытянуты.

Лаэрт коснулся лица. На скулах проступали линии, похожие на шрамы, но это были не шрамы, это были какие-то уплотнения под кожей.

— Проклятье, — прорычал он.

За дверью послышались шаги, в дверь постучали.

— Милорд? — прозвучал встревоженный голос Торена, капитана его гвардии и друга детства. — Вы в порядке?

— Не входи! — прорычал Лаэрт.

Рык вырвался сам собой.

Торен замолчал, спустя пару мгновений сказал:

— Как скажете, милорд.

Лаэрт опёрся о стол, закрыл глаза и слушал, как удаляются шаги Торена.

Сразу после того, как он вернулся из княжества, он вспомнил тот день.

Завоевание королевства Элария. Принцесса Адарис —

красивая, гордая, с глазами цвета неба, которые были полны ненависти. Он убил её отца и брата, но она всё равно пришла к нему на ложе. Она оказалась девственна, и в момент близости она не сопротивлялась; она отдавалась ему, словно опытная портовая девка, но вместо проклятий она выкрикивала что-то совершенно бессвязное про зверя: «Ты зверь! И станешь им!»

Он не поверил тогда. Он думал, что лунное проклятие — это детская страшная сказка.

Но проклятие принцессы сработало.

Он искал её месяц, но так и не нашёл, практически забыв её. И вот теперь, после того, что ему сказала старая княгиня, он вспомнил.

Теперь он знал, кто его враг, но, скорее всего, принцесса уже мертва. И ничего нельзя изменить.

Глава 7

Дарья

Домик Морвены находился ближе всех к лесу, а дом Лиры — почти в середине деревни; и пока мы бежали, Лира рассказала, что её муж — охотник, и, пойдя сегодня на охоту, он нарвался на дикого медведя. Не заметил, что медведица с медвежатами была.

— Как жив-то остался? — сквозь рыдания выдохнула она.

Первое, что я увидела, забежав в дом, — это была кровь. Очень много крови. И я тоже подумала: как он ещё жив с такой кровопотерей?

Вся левая сторона мужчины была похожа на сплошную рану: лицо, плечо, рука, разодрана нога... Даже ещё подробно не обследовав, я уже видела, что у него очень серьёзные повреждения. Оставалось надеяться, что артерии не задеты, иначе мой первый пациент окажется и первым… Нет, о таком думать не хотелось.

«Как жалко, что у меня нет магии», — с сожалением подумала я, потому что у меня не было ни нормального реанимационного оборудования, ни нитей, ни специальных игл, ни антибиотиков.

Но расстраиваться было некогда, представила, что я в полях и мне надо спасти человека, — и во мне включился хирург.

— Так, Лира, кипятите воду! Неси чистые простыни. И мне нужны двое крепких мужчин, чтобы переложили его с пола на стол. Пока он на полу, я не смогу нормально ему помочь.

Я взглянула на застывшую женщину и прикрикнула:

— Давай, шевелись! Я пока осмотрю его.

Лира вздрогнула и выбежала из дома.

А я склонилась над лежащим мужчиной. Сейчас главным было понять, не повреждены ли основные артерии. Иначе жить ему оставалось несколько секунд. Но, к счастью, кровь, что щедро пролилась на пол, была в основном из-за повреждения мелких сосудов, артерии повреждены не были.

Первым делом надо было промыть раны. А вдруг животное было бешеным? Хотя если с медвежатами, то вряд ли, но исключать нельзя. Поэтому достала из корзинки кусочек простого мыла, похожего на хозяйственное. Может, и жёсткое, и «невкусное», зато в нём было много щёлочи, а щёлочь, если нет вакцины, может разрушать вирус бешенства, если он, конечно, не успел попасть в кровь; хотя при такой кровопотере, возможно, что я и успела.

После промыла раны обеззараживающим раствором, который Морвена делала на основе местной огненной воды, как она её называла. А по сути, огненная вода была продуктом грубой перегонки фруктов, по-простому выражаясь — самогонкой.

Раны были, конечно, страшные. Причём мужчина нахо-

дился в беспамятстве. Я ещё удивилась, как в таком состоянии он сумел дойти до дома, но на всякий случай перед тем, как приступать к сшиванию ран, всё же развела сонную настойку и накапала ему на язык.

Как раз пришли двое крепких мужчин, один помоложе, другой постарше. Лира сказала, что это их соседи. Они помогли мне переложить Андрона, мужа Лиры, на стол.

У Морвены была игла, не слишком удобная, но выбирать мне было не из чего; и к игле была катушка шёлковых нитей. Тоже не оптимальный вариант, но за неимением лучшего приходилось пользоваться тем, что было.

Я попросила обеспечить меня больши́м количеством света; соседи встали держать свечи в дополнение к тому, что стол передвинули ближе к окну, и я начала оперировать.

Сложность была в том, что во время операции нужно следить за пульсом и давлением. Лира, которую я сначала попросила держать руку, приложив пальцы к запястью мужа на здоровой руке, упала в обморок после того, как увидела, как я сшиваю мягкие ткани.

Помог сын Лиры, мальчик, наверное, лет пятнадцати. Он заинтересованно смотрел на то, что я делаю. И когда Лире стало нехорошо, он сам вызвался и сказал:

— Давайте я буду делать. Скажите мне, что нужно.

Я, как могла, объяснила, потому что показать уже не могла: руки были вымыты, и я уже начала сшивать.

— Держи его за запястье, нащупай толчки. Чувствуешь,

как что-то там бьётся?

— Чувствую, — восхищённо сказал он и тут же спросил: — А что это?

— Это пульс, он отображает биение сердца твоего отца. Вот ты мне должен говорить, замедляется он или ускоряется. А ещё, если он вдруг исчезнет, срочно мне об этом скажи.

— Хорошо, — сказал парень.

Так, по крайней мере, я обеспечила себя пониманием, что происходит. Мальчишка с интересом смотрел, что я делаю, но при этом продолжал чётко контролировать пульс.

Я уже заканчивала, когда он сказал, что пульс начал ускоряться. Нехороший признак, не должно было быть этого. Пришлось некоторое время посидеть, послушать, посчитать. Я не стала дожидаться, когда мужчина сам проснётся, поэтому всё-таки капнула ему на язык настойку, чтобы разбудить.

Глаза Андрона открылись.

— Как вы себя чувствуете? — спросила я.

— Я что, жив? — слабым голосом вместо ответа задал вопрос мужчина.

— Я надеюсь, что да. — Я улыбнулась.

— Всё болит, — сказал он.

— Это хорошо, что всё болит, — ответила я. — Это значит, что вы живы. Что вы чувствуете все свои... — чуть было не сказала ему «нервные окончания», — чувствуете свои ноги, руки. Значит, есть шанс, что они срастутся, раны зарастут; и ноги, и руки у вас будут двигаться.

Мужчина попытался встать. Пришлось на него прикрикнуть.

— Вставать ни в коем случае нельзя! Строго! Иначе всё было зря.

И тут дверь открылась, и в дверях показалась дочка Лиры с моим сыном.

— Он плачет и плачет, — сказала она, а я посмотрела за окно и поняла, что уже вторая половина дня: светило уже перевалило середину неба.

«Ой, — подумала я, — ребёнку же есть пора».

— Всё, — заявила я, — я пошла кормить дитё. — Посмотрела на так и стоявших со свечами в руках мужчин. — Давайте, переложите его на кровать.

Лире скомандовала подложить подушек, чтобы голова была приподнята, и строго наказала:

— Лира, значит, так: никаких вставать!

Она спросила:

— Как же... А как ему ходить в туалет?

Мой взгляд упал на небольшой тазик с низкими бортиками. Я его взяла в руки.

— Вот. — Дала тазик в руки Лире. — Будешь ему подкладывать.

Мужчина, услышав это, застонал.

Я к нему подошла, ещё раз наклонилась:

— Вставать нельзя, иначе останешься калекой. Ты меня понял?

Он испуганно на меня посмотрел.

— Понял, — ответил он.

— То-то.

А мужик был здоровый. Думаю, что и от медведя ему удалось уйти только благодаря недюжинной силе. Но мне некогда было с ним рассусоливать: у меня тут ребёнок голодный плакал.

Я взяла ребёнка и побежала его кормить. Так умаялась, что, покормив ребёнка, тут же с ним и заснула.

А на следующее утро меня снова разбудил стук в дверь. Это пришла Лира с корзиной, полной продуктов.

Мне было неловко, потому что я понимала, что она-то с несколькими детьми осталась почти без кормильца, пока он будет выздоравливать. Но, как говорится, у меня кормильца не было вообще. Поэтому продукты я приняла и пообещала после обеда зайти, проведать пациента.

Повязки я пока снимать не хотела: пусть сутки ещё на нём подержатся. Но проверить, как реагирует организм, насколько высоко у него поднимается температура, продумать комбинацию настоек, которые могли бы ему обезболить... Наверняка ведь ночь не спал.

Поэтому после обеда пошла снова в деревню.

Выглядел мой пациент не очень хорошо: лицо было красное. Пощупала лоб: он весь горел.

— Вы выпили те настойки, что я оставляла? — спросила я Лиру.

— Да, всё выпили. Ночью болело, видно, сильно, стонал всё время. Настойку ему дала, он забылся сном, но и во сне стонал. Потом проснулся, попросил воды, не ел ничего. Вот утром тоже давала настойку. Сейчас ждали вас, что делать.

Я раздумывала, как поступить: нужно ли подождать или вскрыть повязки, посмотреть, что там под ними? Но я вроде заложила там и обеззараживающие настойки, и ранозаживляющую мазь положила... Вскрывать пока не хотелось.

И вдруг я увидела странное сероватое свечение.

Потёрла глаза, зажмурилась, открыла, потёрла — оно никуда не делось. И свечение это было только в одном месте — у мужчины на ноге, там, где мне пришлось сшивать ему связки.

«Странно, что бы это могло быть?»

И я на всякий случай, вспомнив наставления Морвены, внутренним взором обратилась к своему солнечному сплетению и с удивлением обнаружила, что там появился мягкий, тёплый комочек, похожий на меховой светящийся шарик.

«А ведь вчера ещё ничего такого не было. Неужели магия просыпается? А что же тогда обозначает серое свечение?»

Я подумала, что надо бы довериться магии, и всё-таки вскрыть повязку в этом месте.

И когда я вскрыла повязку в этом месте, я увидела, что там рана загноилась. Может, именно сюда попала слюна зверя или какая-то грязь с его когтей, а только шов сочился гноем.

Я выдохнула. Хорошо, что не оставила на завтра: куда бы

могло завести такое быстро развивающееся воспаление — неизвестно.

И, как учила Морвена, я потянулась к этому маленькому светящемуся комочку внутри себя и протянула руку, мысленно направив свет от этого комочка в то место на ноге, где была воспалённая рана. Глаза мои были закрыты, но я как будто видела, что у меня ладонь осветилась зелёным светом. И я направила этот свет в рану, стараясь представить, как вытягивается гной.

Мне было легко представить, я очень хорошо знала, какая там мышца, и представляла себе это в виде картинки из анатомического атласа. Это было очень непростое место, и за него я переживала больше всего.

Именно эти мышцы и связки обеспечивают сгибание ноги, эти мышцы начинались над коленным суставом сзади и посредством дугообразной подколенной связки переходили в подколенную мышцу. Там были расположены и большеберцовый нерв, и подколенная артерия.

Мышцы и связки были порваны, и, как могла, я их зашила. Нерв и артерия, к счастью, не были повреждены, но если не остановить воспаление, то мужчина мог остаться инвалидом. Я хорошо помнила те разрывы, которые вчера зашивала, и мысленно представляла, как они зарастают.

Я даже не услышала, как затихли стоны охотника, который тяжело дышал; как выровнялось его дыхание.

И когда я открыла глаза, ощутив лёгкую слабость, вид-

но, с непривычки (то ли много потратила, то ли это всегда так должно быть), я увидела, что шов выглядит так, как будто ему уже две недели. И из него торчат нити, которые при такой динамике уже надо было бы снять. А я, волшебник-недоучка, так увлеклась очисткой раны, снятием воспаления, зарастанием мягких тканей, что совсем забыла про снятие швов.

Ну, в общем, швы я ему здесь сняла. Теперь уже совсем капельку призвала магию, добавила, чтобы обеззаразить то место, где оставались нити перед тем, как я их вытащила.

И увидела направленный на меня взгляд мужчины, в котором светились надежда и ожидание.

— Прости, Андрон, — сказала я. — Остальные раны сегодня не смогу залечить. Потратилась. Завтра приду.

Лира радостно обняла меня:

— Сейчас, сейчас, госпожа целительница, соберу вам поесть.

А я ещё вчера обратила внимание, что она стала называть меня на «вы», а сегодня вон я уже и госпожой стала.

Я и спросила её, что это она.

— Да как же? Магия-то у вас не деревенская, а господская, такой же только целители обладают. Как нам повезло!

Я особо ничего не поняла, для меня же не было разницы, знахарство или целительство; но, как оказалось, разница есть, и это привело к тому, что предсказание Морвены сбылось.

Глава 8

И я поплелась домой, где снова с моим сыночком сидела дочка Лиры.

Отпустив девочку, покормила малыша, погуляла с ним, если можно так назвать мой выход с корзинкой в палисадник. Материнство мне давалось удивительно легко. Все внутренние повреждения, если таковые и были, уже меня не беспокоили. Но вот молока не было, и даже не было ощущений, которые должны присутствовать при гормональной перестройке организма.

Жаль, нельзя сделать анализы, ведь непонятно: почему? Было ли это связано с тем, что я пришла в тело принцессы, когда её уже не стало? Попробовала потянуться к источнику, который тёплым, пушистым комочком уже совсем прочно обосновался внутри солнечного сплетения, но он недовольно заворочался, а у меня вдруг закружилась голова.

И я поняла, что ему, как и малышу, надо «отдохнуть», да и мне тоже надо выспаться. Ощущения после использования магии были примерно такие, какие я чувствовала после смены на ногах и как минимум четырёх проведённых подряд операций.

Утро следующего дня снова началось со стука в дверь.

— Лира! Ну куда же мне столько продуктов? — сказала я, рассматривая огромную корзину, от которой вкусно пахло

пирогами.

— Ты же не просто знахарка, ты же целительница, тебе хорошо питаться надо, — сказала она. — К нам как-то приезжал из города целитель, я тогда ещё малая была. И мамка ему мясо готовила. А ты вот, смотри, я утром кашу с мясом делала, из печи. Попробуй, какое вкусное!

Я неожиданно ощутила, что я действительно очень голодная. А каша с мясом так заманчиво пахла... Я даже не знаю, что это была за крупа, она была чем-то похожа на гречневую: с одной стороны, такая развaристая, с другой стороны, рассыпчатая. И мясо таяло во рту.

После сна и еды сил прибавилось. А Лира с крестьянской хитринкой понимала, что мужа надо долечивать, вот и приходила ко мне: она же не знала, что я всё равно сама к ним приду, не смогу пациента на половине пути лечения бросить.

В общем, мне понадобилась неделя, чтобы залечить все раны Андрона. Я, может быть, управилась бы и раньше, но уже на третий день (в деревне всё-таки слухи быстро распространяются) все узнали, что в доме Морвены теперь живёт не знахарка, а целительница.

И ко мне пошёл поток...

Люди шли с разным: у кого-то были застарелые хронические заболевания, у кого-то — то, что понадобилось срочно вылечить. Например, жил человек с бородавкой много лет, а тут такое дело — целительница; вот и шли.

Начали приезжать из других деревень. В первые дни после

двух-трёх пациентов я в лёжку лежала, но с каждым днём сила моя росла, и с каждым днём магические манипуляции давались мне всё легче.

Таких сложных операций, как я провела Андрону, пока больше не было. И я этому была очень рада, потому что сама до сих пор не понимала, как мне удалось тогда справиться.

Люди приносили продукты, мебель, кто-то помог мне с садом, с забором, с ремонтом дома, крыши. Двое взрослых сыновей из соседней деревни привезли мать, они мне вообще холодный погреб сделали.

А вот мне с их матерью пришлось повозиться. У женщины был кашель, дыхание было жёсткое, да и выглядела она так, что осталось ей недолго.

— Вот, госпожа целительница, — обратились они ко мне, — посмотрите мамку нашу, а то она как с весны заболела, так никак до конца и не выздоровеет. Уж мы чего только не делали. Наша-то знахарка совсем старая, но и травы всякие знает, чтобы, значит, хворь выходила. Но вот никак.

Я по привычке сначала провела внешний осмотр, послушала женщину, простучала. Я так и приноровилась: сначала делала, как привыкла в прошлой жизни, и устанавливала диагноз, а потом проверяла поставленный диагноз с помощью магии.

По внешнему осмотру у женщины была классическая бронхопневмония, и судя по кашлю и дыханию, воспаление затронуло плевральную область. Магическое сканирование

— а я уже поняла, что серая дымка свидетельствует о скоплении болезни в определённых отделах организма, — подтвердило, что основная проблема — с левой стороны; и это было плохо. И если бы не было магии, то без антибиотиков помочь женщине я не смогла бы, и даже с магией, я не была уверена, что за один раз справлюсь.

— Как вы вообще ходите-то, — сказала я ей.

— Ой, дочка, дышать тяжело, а так-то ничего, — ответила женщина и снова закашлялась.

Всего мне понадобилось четыре сеанса, чтобы долечить женщину. И четвёртый образовался совершенно случайно. Когда я уже была готова сказать, что всё, они могут больше не приезжать, я вдруг вспомнила, что такие воспаления часто образуются из-за особенности строения гортани, когда желудочный сок попадает из пищевода в дыхательную систему, вызывая постоянное раздражение и воспаления в верхних дыхательных путях. И я проверила гипотезу.

И порадовалась, что сделала это, поскольку у женщины так и было. Отпусти я её — и через несколько месяцев всё началось бы сначала.

Проверила желудок, обнаружила признаки хронического гастрита. Конечно, магическая гастроскопия отличалась от классической, но, что надо, я углядела. Как могла, объяснила сыновьям, почему надо привезти маму ещё раз.

Пришёл ко мне и староста, и оказалось, что я нарушаю закон. Чтобы практиковать целительство, мне нужно получить

специальную грамоту.

— Пока-то все свои, но, гляжу я, слава о тебе распространяется. Скоро все на осеннюю ярмарку поедут, и там бабы начнут небылицы рассказывать, или нажалуется кто: люди разные, у кого-то, может, и камень за пазухой. И дойдёт о тебе слава куда не надо, и приедут проверяльщики. Хорошо, если штрафом отделаешься, а могут и в темницу.

А я подумала, что староста прав, вон ко мне приходила девица одна. Красивая — по деревенским меркам: кровь с молоком, высокая, статная, фигуристая, грудь такая высокая — ожерелье прямо на груди лежит, а не висит. И просила зелье, чтобы приворожить парня. Уж больно ей сын кузнеца нравился, да вот только он, вместо того чтобы смотреть да прийти посвататься к ней «красивой», на какую-то «замухрышку» смотрит, а на неё, первую красавицу, внимания не обращает.

Я, конечно, её послала.

И мне показалось, что ушла она, затаив обиду, а судя по тому, как она о других отзывалась, девка была недобрая.

— Да и деньги ты не берёшь, — продолжал староста. — Вон даже сколько с Косьянкой возилась, а денег не взяла.

А я вспомнила, что так как раз женщину с пневмонией звали.

— Так они мне дом отремонтировали, — сказала я, — и холодильный погреб выкопали.

Что было правдой — теперь у меня был погреб, доволь-

но большой, где можно было хранить продукты, потому что температура там была примерно около восьми — десяти градусов по моим ощущениям.

— Ну смотри, Дария, — вздохнул староста, — я тебя предупредил. Надо будет тебе поехать в город да узнать, сколько стоит и как получить грамоту на целительство. Если не хватит тебе, то я тебе дам: ты своими умениями быстро отдашь.

И когда староста ушёл, я подумала, что я бы поехала, но до города было два дня дороги. А на кого я малыша так надолго оставлю? Да и не могла я от него надолго отрываться, и он больше чем на пару часов меня не отпускал.

Когда рядом со мной был, то спал или просто смотрел спокойненько, а как только чувствовал, что меня долго нет, так никто его успокоить не мог.

И я подумала, что ничего, денег пока брать не буду, авось не дойдёт до городских, что я здесь целительством занимаюсь.

Но, как и обычно, наши планы не всегда сбываются так, как мы себе запланировали.

Глава 9

Мне казалось, что жизнь моя наладилась. Я постепенно привыкала к деревенскому быту, да и Лира мне помогала: то дочку пришлёт, и та с ребёнком посидит или погуляет; то сама забежит, с печкой поможет «договориться». Лира меня научила козу доить, которую мне подарили в оплату лечения. Без козы мне было никак: молоко у меня так и не пришло.

Пациенты обычно приходили днём; рано утром у всех находились свои дела, а после полудня возле калитки моего дома образовывалась очередь.

А вот местный кузнец пришёл к вечеру и, смущаясь, сказал, что совершенно не может сидеть, и попросил дать ему какую-нибудь настойку. Кузнец был почти в два раза выше меня и в четыре раза шире.

Ну, вообще, люди не могут сидеть по разным причинам. Так я ему об этом и сказала.

Кузнеца звали Бивер. Он начал меня убеждать, что настойка ему обязательно поможет. Минут двадцать я его уговаривала раскрыть тайну его болезни. Несмотря на всю свою брутальность, кузнец краснел и пыхтел, отвечая на мои вопросы, а ещё стоял так, что мне казалось, что если я попробую к нему подойти, то он с криком «Спасите, помогите» убежит.

Чего только я не передумала, задавая ему наводящие во-

просы! Но в конце концов он всё-таки сдался. И выяснилось, что, попросту говоря, у него фурункулы на том месте, на котором сидят. Ещё полчаса я его уговаривала продемонстрировать мне это место. В итоге мне надоело, и я отправила его домой.

Прошло что-то около часа, и он пришёл снова, но уже с женой. При супруге уговорить кузнеца снять штаны оказалось гораздо проще.

Ну что сказать... Сидеть ему, конечно, было непросто, потому что у него там был не один фурункул. И я представляю, какие боли он испытывал, потому что они ещё и слились все в единый воспалительный очаг. Это был назревший огромный карбункул.

Ещё порасспрашивала кузнеца, он подтвердил, что его и тошнило, и голова болела. Было понятно, что воспаление у него уже довольно давно, не первый день.

— Где-то ещё у тебя на теле есть ещё такое воспаление? — спросила я.

Кузнец молчал.

Я повернулась к его жене:

— Есть ещё где-то у него?

— Нет, нет, — сказала она, видимо испугавшись, что я сейчас прикажу ему совсем раздеться.

Я вздохнула:

— Ну хорошо. Будем исходить из того, что воспаление только в одном месте.

Я пожалела, что не могу пока проверить, нет ли у него каких-то системных заболеваний, поскольку кузнец пришёл в конце дня; после кучи пациентов магии было немного, и я не стала её расходовать на сканирование, предполагая, что она мне понадобится для того, чтобы хотя бы начать лечение. Жалко же мужика, представляю, как он мучится.

Но в целом мужчина не выглядел как человек, который болеет сахарным диабетом. Не было у него и ожирения. Скорее всего, подмёрз плюс несоблюдение гигиены.

Я врач, я могу много стерпеть и не морщиться. Но, не будь я врачом, конечно... В общем, чистотой задница кузнеца не отличалась.

Сначала я попробовала воздействовать на карбункул магией, но почувствовала некое сопротивление, и мне не хватило сил пробить кожу. А гной нужно было удалить, и мне показалось, что я смогу это сделать безбольно и магией, но сначала нужно произвести рассечение.

Обезболивающих препаратов у меня не было, но я попробовала магически поставить блокаду вокруг воспалённого участка. Судя по тому, что место вокруг воспаления слегка побелело, мне показалось, что у меня получилось.

Я ещё раз отругала себя за то, что действую на ощупь. На всякий случай предупредила кузнеца, что может быть больно, и сделала крестообразное рассечение, благо инструменты более-менее удобные у Морвены были, и стерилизовала я их регулярно. Назревший гной хлынул почти сразу. Но вид-

но было, что воспаление уходит глубоко в мягкие ткани. Поэтому я вытянула руку, расположила над раной и начала потихонечку, капля за каплей, дозировать магию.

Мне ещё повезло, что целительская магия в целом сама по себе каким-то образом действовала именно так, как было на тот момент нужно. Когда дренирование было закончено, а об этом свидетельствовал ровный цвет над раной, не было уже серых оттенков, я по привычке сначала провела обеззараживание. И только после этого запустила процесс заживления.

Не стала заживлять сразу до конца, потому что меня и так уже немного пошатывало. Просто кузнецу придётся прийти ещё раз, тем более что угрозы для жизни и сидения уже не было.

В общем, я при помощи обеззараживающей настойки обработала кузнецу то, что осталось от его карбункула, и строго наказала прийти завтра, чтобы долечить его до конца.

Кузнец встал, натянул штаны, подёргал ногой и, довольный, улыбнулся, сообщив:

— Не болит! Вот вообще не болит!

— Я до конца не долечила. Завтра придёшь — и уже после этого можешь жить нормально.

Посмотрела на его супругу и попросила её тоже явиться, чтобы мне тут не бегать и не уговаривать его штаны снять, которые я посоветовала постирать, а лучше прокипятить.

И кузнец был первым, кто рассчитался со мной деньгами, когда на следующий день он пришёл, и я окончательно вы-

лечила ему рану. После чего и его жену, и его самого предупредила, если ещё где-то на теле появится подобное, чтобы сразу шли ко мне, не затягивали.

Хорошо, что пришли он довольно рано, силы у меня ещё были, и я попробовала сделать небольшую диагностику, чтобы убедиться, что у него нет тех системных заболеваний, последствием которых является возникновение карбункула.

Диабета я не нашла, а в остальном кузнец был почти что здоров. Из-за карбункула у него немножечко пострадал иммунитет, но здесь я дала несколько практических советов по питанию и образу жизни. В целом у деревенских иммунитет был хороший, поэтому я за кузнеца не волновалась.

А ещё через день из соседней, дальней деревни ко мне приехала семья. Мужчина привёз беременную жену.

Женщина была бледная, вид у неё был замученный. Она приехала с жалобой, что она беременна, но не чувствует ребёнка.

Я провела внешний осмотр, живот был плотный, размер соответствовал четвёртому месяцу беременности — по словам женщины, пятый. Я попыталась прослушать сердечную деятельность ребёнка. Конечно, стетоскопа у меня не было, но трубочка, свёрнутая из тонкой коры дерева, которую здесь использовали вместо бумаги, в достаточной степени обеспечивала звук. Но биения сердца не было.

Скорее всего, плод действительно погиб.

Пока решила ничего не говорить, просканировала маги-

чески. Это был, конечно, не томографический осмотр в полном виде, но мне удалось «увидеть», что ребёнка у неё там не было. Зато была огромная киста, просто огромная. За счёт этого у неё живот и вырос.

Так я ей и сказала.

— Ты не беременна.

Она на меня посмотрела и запричитала:

— Что значит я не беременна? А у меня и кровей нету, и живот такой уже... Всё по срокам, только вот не шевелится. Он там умер, да?

— Нет, — сказала я и попыталась объяснить, на своё горе совершенно забыв, что здесь не двадцать первый век, — там нет ребёнка и не было, у тебя там опухоль. И из-за неё, может быть, и нет ежемесячных дел, и живот вырос. И такую большую опухоль, конечно, надо удалять, — сказала я в конце.

Я потом ругала себя, потому что действовала больше как врач. Наверное, я расслабилась оттого, что ко мне начали относиться как к целителю и верили буквально на слово. Но тут возникла совершенно другая ситуация.

Лицо женщины из испуганного стало злым, и она стала на меня кричать:

— Ты всё врёшь! Ты всё врёшь! Ты ведьма! Ты хочешь забрать моего ребёнка!

У женщины явно были не все дома. Но если ей не удалить эту опухоль, то это может плохо закончиться. Я ей так и сказала.

— Ты специально меня пугаешь! — кричала она. — Я знаю, ты ведьма! Ты хочешь забрать у меня моего ребёнка!

И тут её взгляд упал на люльку, в которой спокойно спал мой ребёнок. И она неожиданно прыжком бросилась к ней, но я успела первой.

— Покажи мне своего ребёнка! — закричала она. — Наверняка у него есть когти и копыта!

Я подумала, что это тяжёлый случай, и у меня уже совсем не было никакого желания ей помогать.

— Послушайте, — сказала я. — Успокойтесь, если вы считаете, что вам не нужна помощь целителя, езжайте обратно домой.

В общем, мне удалось её вытолкать из дома.

Ворвался её муж:

— Почему вы её выгнали?! Что с нашим ребёнком?!

Я попыталась ему объяснить:

— Да нет там у вас никакого ребёнка! У неё там опухоль!

И вот когда лицо её мужа исказилось злобой, я поняла, что мне тут уже целительская магия может не помочь. Но они-то об этом не знают.

И когда мужчина с совершенно озверевшим выражением лица вытащил кинжал, я отступила и протянула вперёд руку, направив магию в ладонь. Она засветилась зелёным светом.

— Стой, — сказала я ему. — Ещё шаг — и я остановлю тебе сердце.

Как ни странно, мужчина мне поверил.

— Убирайтесь, — сказала я. — Убирайтесь из моего дома!

Они так и ушли — с криками, что я ведьма.

А я подумала, что нельзя человека вылечить насильно. Но когда у неё начнётся воспаление, она ко мне придёт, а я уже не смогу ей помочь.

Но это я хорошо о ней думала, потому что всё случилось гораздо раньше.

Глава 10

Через пару дней в дверь постучала Лира. У неё сестра жила в той деревне, откуда ко мне странная семья приходила, и она прислала к ней сына, чтобы предупредить, что те люди, которые приходили ко мне, начали распространять слухи, рассказывать небылицы, в общем, настроили живущих там и по соседству негативно. И чуть ли не сегодня ночью собираются прийти и сжечь меня. Потому что женщина, которая ко мне приходила, слегла и всем говорит, что это ведьма её ребёнка убила, и она теперь сама умирает.

У меня не было слов.

— Лира, ну хоть ты-то не веришь?

— Я-то нет, но люди тёмные, а кто-то и вовсе никогда целителя не видел, вот и считают, раз зуб не вырвала, а заговорила, значит, ведьма. А то, что ты на этот зуб магией воздействовала, то им неведомо, что так можно.

Вслед за Лирой пришёл староста, у которого тоже были свои источники информации. И он подтвердил, что из соседней деревни идут люди.

— Но что же делать? — Я почувствовала, как накатывает паника: всё же мне, человеку из далёкого двадцать первого века было сложно понять, как это — придут и сожгут. — Уже ночь на дворе, а у меня ничего не собрано!

— Я тебе помогу, — сказала Лира.

В общем, мы с ней вместе собрали мой нехитрый скарб. А староста из старого одеяла смотал что-то типа куклы и положил её на кровать.

— Если ворвутся, — сказал он, — пусть думают, что это ты.

А меня он к себе забрал в дом, чтобы у него переночевала, обещал утром помочь бежать из деревни.

Я до последнего не верила, что это правда и что это всё происходит со мной. Но у старосты был двухэтажный дом, и он поселил меня в комнату на втором этаже. И из этой комнаты я наблюдала, как среди ночи вдалеке показались факельные огни, по мере их приближения становилось видно, что это люди: и мужчины, и женщины. На лицах было яростное удовольствие, осознание причастности к восстановлению справедливости.

Наверное, с такими же лицами матросы шли на штурм Зимнего дворца в семнадцатом году.

И, боже, я видела, как староста и ещё несколько человек, кузнец, муж Лиры старались их убедить, что я не ведьма. Я слышала, как староста кричал:

— Идите домой! Не берите грех на душу! Побойтесь бога!

Но потом кто-то первый кинул факел на крышу, и соломенная крыша вспыхнула. Я увидела, как радовались те, кто пришли, как они стали бросать факелы, и подумала: «Люди не виноваты, это просто такая жизнь».

...Я так и не смогла уснуть.

На рассвете, ещё до того, как солнце окрасило золотым светом горизонт, староста зашёл в комнату.

— Собирайся. Пока все спят, я довезу тебя до города, оставаться тебе здесь нельзя.

По пути староста сказал, что город совсем рядом, до ближайшего было полдня пути; и, скорее всего, там мне тоже оставаться будет нельзя. Люди, конечно, там более образованные, но деревенские часто бывают там на ярмарках, и кто его знает, чем случайная встреча может обернуться.

Я его спросила:

— Неужели вы верите в этот бред?

— Я не верю, — сказал он и повторил, что Лира сказала: — Но народ у нас тёмный. И теперь, даже если та женщина придёт к тебе и ты её вылечишь, кто-то всё равно скажет, что раз ребёнок у неё не родился, значит, ведьма его забрала.

— А так она будет мучиться, — сказала я, — и может умереть.

Староста головой покачал:

— Как ни крути, ты виновной окажешься.

Мужчина вытащил небольшой кошелёк, в котором было несколько золотых монет.

— Вот, — сказал он.

У меня защипали глаза.

— Я не знаю, смогу ли я вам отдать когда-нибудь...

— Сможешь, а пока бери, тебе с ребёнком нужнее: и молоко купить, и самой на первое время, — сказал он. — А

я Морвене обещал тебе помочь. Так что не бери в голову. Сейчас мы с тобой найдём какой-нибудь караван, они обычно днём выезжают. Да и поедешь в другой город.

Пока ехали, староста немного мне рассказал, что ближайший отсюда называется Тарасин, а от него дорога ведёт к столице. Но до столицы добираться не меньше недели, а то и больше; а вот если проехать примерно половину пути, то там будет славный город Лирн.

— Вот там и осядь, — посоветовал мне староста и добавил: — И первым делом, конечно, узнай, где можно получить разрешение на медицинскую целительскую практику, потому как это тебя точно прокормит, а то в городе тебе уже не получится просто так этим заниматься.

Так предсказание Морвены начало сбываться. Я оказалась в дороге и пока не знала, куда она меня приведёт.

Глава 11

В Тарасине нам со старостой повезло, потому как не только быстро удалось найти подходящий обоз, но ещё и главный обозник, Римус, оказался старым знакомым старосты. И мы договорились, что, несмотря на то что у меня нет официального документа, разрешающего применять целительскую магию, он меня возьмёт в качестве лекарки. Даже оформили договор.

Дело в том, что разница между лекаркой и целительницей как раз и состояла в том, что лекарками называли как раз знахарок, тех, кто не использует целительскую магию, а лечит народными средствами и заговорами. И поскольку обозник водил обозы на недалёкие расстояния, то ему позволялось нанимать не дорогого целителя, а такую вот деревенскую знахарку.

Он даже обрадовался:

— Вот, у меня как раз лекарка, которая со мной ездила, приболела, она уже пожилая, ей тяжело, и сейчас, осенью, плохо себя чувствует. Вы мне прямо как с неба свалились!

Данор, староста, прощаясь, мне сказал:

— Смотри, Дарья, будь осторожна, постарайся целительскую магию не применять. Хоть обоз-то и небольшой, но люди же — они разные: кто-то да заметит, вопросы начнут задавать. Я Римусу скажу, что слабенький дар у тебя имеется,

чтобы он знал, если чего. Но ты уж сама будь поосторожнее.

Я улыбнулась и от всей души обняла пожилого мужчину. Почему-то у меня было такое ощущение, что мы с ним либо ещё долго не увидимся, либо вообще не увидимся. Видимо, предсказание Морвены уводило меня далеко от этой горной деревни.

В обозе была кухня, и я узнала, как без специальной техники перевозят свежее мясо. Клетки с кроликами и с курами. Свежее не бывает! А ещё в обозе были две козы, я специально уточнила и договорилась, что буду забирать каждый день: мне-то без молока вообще никак, нужно свежее, чтобы было чем сыночка кормить.

Мне, как лекарке, выделили отдельную подводу, на которую был установлен небольшой тент. Правда, мне показалось, что тряпка, которой он был обтянут, не сможет защитить от дождя, если вдруг он пойдёт. Хотя Римус и клялся, что у тряпки этой магическая пропитка. Но, посмотрев на тряпку, которая уже от возраста потеряла естественный цвет, я подумала, что, возможно, она не только цвет потеряла, но и магическую пропитку тоже. Потому что никакой магии от неё я не чувствовала.

Но у меня в вещах был тонкий, как раз таки пропитанный магией плащ, и я рассчитывала, что если пойдёт дождь, то мы с ребёнком сможем укрыться.

Но жаловаться было грех, потому что мне не пришлось ехать в общей подводе, у меня была, скажем так, отдельная

«жилплощадь». Мне ничего не стоило перемещение в обозе, даже полагались бесплатная еда и бесплатное молочко для ребёнка. Отличная сделка!

Да ещё и Данор — видно, не просто так его выбрали старостой: ушлый дядька — ещё обговорил для меня специальные условия, что если во время движения обоза будет больше трёх случаев лечения, то это уже пойдёт за отдельную плату.

Да, там небольшие денежки, потому что по документу я была оформлена как лекарка, а лекаркам золотом не платили, но это тоже было приятно. В моей ситуации сейчас нельзя было ни от чего отказываться.

Вышел обоз этим же днём. Оказалось, всё было рассчитано так, что как раз к тому времени, как стемнеет, караван должен был дойти до места стоянки обозов.

И поскольку в этом обозе не было богатых людей или аристократов (все были примерно одного достатка), то и ночёвка предполагалась на улице, а не где-то там, где нужно было её оплачивать.

И, как оказалось, такие места были вдоль всей дороги. Там были установлены просто навесы от дождя, было место для костра и место для того, чтобы расставить обозный транспорт.

До места первой ночёвки мы доехали спокойно. Я даже подремала немножко, потому что ночью не спала. Ребёнок тоже вёл себя спокойно: видимо, свежий воздух и мерное

покачивание телеги способствовали более крепкому сну малыша.

А вечером, когда уже все поели и расположились под навесами, чтобы несколько часов поспать и рано утром выдвинуться дальше в путь, вдруг раздался стук копыт.

Я была в своей подводе, которую попросила Римуса поставить поближе к внутреннему кругу, чтобы быть ближе к центру, а не стоять с краю. Поэтому, когда услышала голоса, выглянула из повозки и увидела верхового. И мне показалось, что он спросил: «Есть ли целитель?»

Я подумала: «Надеюсь, у Римуса хватит ума сказать, что целителя нет, а есть только лекарка. И пусть верховой едет дальше».

Но то ли вопрос был серьёзный, то ли аргументы у верхового были железные, а только спустя несколько минут пришёл Римус. Лицо его было настороженное, и он сказал:

— Прости, Дария, похоже, тебе всё же придётся применить свою целительскую магию.

— Зачем? — спросила я.

— Да там что-то случилось то ли с лордом, то ли с его хозяином. Я сказал, что есть у нас лекарка. Но ты смотри: если что, я не говорил, что ты целительница... Если для лекарки это будет сложный случай, так и скажи сразу, не бойся. Потому что, знаешь, со сложными лучше не связываться: не дай бог не получится, эти разбираться не станут.

Что «эти» будут делать, Римус не сказал, но и так было

понятно, что от аристократов надо бы держаться подальше, особенно когда ты в дороге.

Я попросила Римуса найти мне кого-нибудь, кто мог бы посидеть с ребёнком, и направилась в сторону верхового.

Он так и сидел на лошади, поэтому мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть на него. Я заметила, что мужчина не похож на тех, кого я видела в деревне. Он как будто был более высокий, более мощный... Красивый.

— Доброй ночи, — сказала я. — Вы искали лекарку?

Выражение лица у мужчины было надменным. Он смерил меня взглядом.

— Ты лекарка? — переспросил он.

Я подумала, что мужик умом не отличается или глуховат.

— Да, я лекарка, — решила я не нервничать и повторить.

— Поехали со мной, — заявил он.

Я сделала шаг назад.

— Я никуда не поеду.

— Не спорь, — угрожающе сказал мужчина.

Я в растерянности оглянулась. Римус подошёл, поклонился. Мне не понравилось, что в его голосе звучали подобострастные нотки.

— Господин, вы не могли бы привезти того, кому нужна помощь, сюда?

— Помощь нужна срочно, — сказал мужчина. — И я не могу себе позволить везти его сюда.

И мужчина как-то хитро развернулся. Конь его сделал па-

ру шагов, и неожиданно верховой схватил меня и закинул к себе на седло, прямо перекинул меня поперёк седла, на живот. Я даже не успела ничего сказать.

— Я верну её скоро, — сказал мужчина, и мы ускакали в ночь.

К счастью, ехали мы недолго. Но когда он меня снял с коня, у меня болели рёбра, и меня стошнило. Я выпрямилась, пытаясь восстановить дыхание.

— Что с тобой? Ты больна? — спросил он.

— Это вы больны, — сказала я. — Неужели нельзя было объяснить по-человечески?

— Я не умею по-человечески, — усмехнулся… дракон.

Я только сейчас заметила, что глаза его слегка светятся, черты лица несколько хищные.

— Где больной? — резко, еле сдерживаясь, чтобы не послать красавчика, спросила я, не имея никакого желания никого лечить.

В нескольких шагах от того места, где он меня ссадил, стояла большая богатая карета. Возле неё стоял пожилой, высокий, мощный мужчина, но выглядел он гораздо старше первого.

— Фэйд, ты нашёл целителя? — спросил он.

— Впереди был только один обоз, там была лекарка. Я её привёз.

Мужчина посмотрел на меня:

— Ты лекарка?

Я не стала язвить, просто ответила:

— Да, это я. Где больной?

Мужчина обречённо вздохнул и сказал:

— Боюсь, что лекарке здесь не справиться.

— Дайте мне свет, — сказала я тем тоном, которым обычно командовала на операции.

И, как ни странно, это сработало. И свет мне дали, хороший, такой обычно получался, когда использовали артефакты.

Карета была сделана как большая кровать, то есть там были разложены лавки, и внутри, в этом пространстве, лежал ребёнок, мальчик. Лицо у него было измученное и заплаканное.

— Привет, — сказала я, понимая, что вся моя злость куда-то улетучилась. — У тебя что-то болит?

— Ноги, — раздался из-за спины голос пожилого мужчины.

Глава 12

— Можно я посмотрю? — спросила я у мальчика, не оборачиваясь на мужчину.

Он открыл и закрыл глаза, как будто не в силах говорить.

Мальчику на вид было лет восемь, может быть, десять. Я сняла с ног мальчика какие-то влажные тряпки, пахнущие травой. Пахло сабельником и полынью. За то недолгое время, что я жила в деревне, я научилась отличать разные виды лекарственных настоев. Один снимал мышечную боль, другой был противовоспалительным.

Ноги у ребёнка были несоразмерно худые, такое впечатление, что мышцы на них были атрофированы. Вдохнула и посмотрела целительским зрением. Серая дымка была не в ногах, она окружала мальчика так, как будто у него болезнь находилась по центру тела, дымка опоясывала словно широкий серый пояс.

— Вы можете его перевернуть? — попросила я, обратившись к мужчине, который так и стоял у меня за спиной. Я боялась сама поднимать ребёнка: вдруг у меня не хватит сил, а я пока не знаю, что за хворь такая.

Мужчина не стал спорить и, выйдя у меня из-за спины, быстро и ловко перевернул ребёнка. И стало видно, я чуть было не ахнула: серая дымка проходила вдоль позвоночника и плотно скапливалась на пояснице.

— Он не ходит. — сказала я, не спрашивая.

— Да, — ответил мужчина и удивлённо спросил: — Как вы узнали? Фэйд вам сказал?

Вдруг откуда-то послышалось возмущённое:

— Я никому и ничего не говорил!

Я повернулась к мужчине, но не стала ни отвечать, ни комментировать, просто спросила:

— Вы не против, если я сниму боль, используя целительскую магию?

— А почему я должен быть против? Если у тебя получится и ему станет легче, то я тебя награжу.

— У меня нет документа на применение целительской магии, — честно призналась я.

— Не объясняй, — махнул рукой мужчина. — Делай, потом разберёмся.

Вылечить мальчика сразу я не могла, но я видела, что ему можно помочь. Только одной магией его не спасти, это так же, как со сложными ранами: нужно было использовать комбинацию хирургических изменений и целительского заживления, но боль ему снять я могла.

И я направила руки сначала на его позвоночник, потом на ножки. Потом попросила перевернуть и в целом слегка воздействовала на все внутренние органы, потому что он был очень истощён. Видимо, боль длилась не один час, а может быть, даже и не один день. И у малыша пошёл застой в лимфе, и начиналась инфекция в мочевом пузыре.

Видимо, он долго сдерживался, не ходил в туалет и мало пил. К тому же была крапивница, что указывало на аллергическую реакцию, возможно, на какую-то настойку из трав, или ему что-то ещё давали.

Когда я закончила, силы у меня ещё оставались, потратила их не так много. Но вот это чёткое микроскопическое дозирование магии с одновременным сканированием — это меня вымотало до чёрных мушек перед глазами.

И когда я вышла из кареты, а измученный малыш уснул, я очень удивилась, подняв глаза и увидев светлеющее небо и бледнеющие звёзды на нём. Ничего себе, а я даже не заметила, что ночь прошла.

Неподалёку от кареты на земле, на подстилке, сидели грубиян, который увёз меня от обоза, и пожилой мужчина.

Пожилой мужчина сразу встал и подошёл к карете. Спустя некоторое время он вернулся.

— Спасибо тебе, госпожа целительница. Сколько я должен?

Я пожала плечами.

— Я не знаю расценок.

Он достал кошель, на вид кошель был тяжёлый. Я подумала, что там, должно быть, монет двадцать, не меньше.

— Вот, возьми.

Он протянул мне этот кошель, а я обратила внимание, что после того, как мужчина увидел, что я применяю целительскую магию, он начал обращаться ко мне «госпожа». И

вспомнила, что то же самое происходило и в деревне: и Лира, и поначалу староста, и кузнец.

Неожиданно мужчина словно задумался, и кошель из рук не выпустил, а я уже руку протянула. Он взглянул на мою руку, потом на меня и сказал:

— Как тебя зовут, госпожа целительница?

— Дарья.

— Я барон Мирбах. Не хочешь ли ты, госпожа Дария, поступить ко мне на службу?

Мне идея показалась интересной, тем более что мне не хотелось останавливать лечение мальчика, не попытавшись ему помочь.

— А где вы живёте, господин барон? — спросила я.

И барон назвал местность, которая была близко к столице, насколько я помнила карту, но немного не доезжая до неё.

— А вас не смущает, господин барон, что у меня нет документов на целительство?

— Нет, госпожа Дария. У тебя такой сильный светлый дар целительства, что документ мы вам справим. Его можно выправить у меня в баронстве, я тебе сам выдам эту бумагу и заверю личной печатью.

Я выдохнула, подумав: «Вот нет худа без добра. Дом сожгли, пришлось ехать в неизвестность, а тут раз — и наглый дракон, который привёз меня к тому человеку, кто готов взять меня на службу».

— Я рада, что вы предложили, потому что мальчика...

мальчика можно вылечить. Но только магия... — поспешила сказать я, увидев, что мужчина нахмурился, видно собираясь сказать, что они уже всех магов обошли. — Но только одна магия здесь не поможет.

Он посмотрел на меня и сказал:

— Не обещай того, что сделать не сможешь. Не давай надежду тем, у кого больше не осталось никакой надежды.

А я подумала: «Что же с ним произошло? И кто для него этот мальчик: сын или внук?»

Понятно, что, прежде чем дать окончательное согласие, надо было обговорить все условия: и проживания, и оплаты, да и про ребёнка сказать. И вообще, я ещё работаю в обозе и документ подписала. А небо продолжало быстро светлеть, и я испугалась, что обоз меня не дождётся.

Всё это я и сказала барону.

— А ты не промах, — улыбнулся он, и было заметно, что у мужчины отлегло от сердца, когда мальчику полегчало.

Я промолчала, ожидая, что он предложит.

— Фэйд тебя отвезёт, а мы с Раулем нагоним, после поедем вместе с вашим обозом, нам всё равно в ту же сторону, и по пути всё и обговорим.

Меня этот вариант устроил, кроме того, что сейчас снова надо ехать с грубияном Фэйдом.

Но других вариантов быстро добраться обратно у меня не было, и когда Фэйд забрался на лошадь и протянул мне руку, то я ему сразу сказала, что на животе больше не поеду.

Мужчина усмехнулся и произнёс с явным ехидством:

— Я могу предложить вам, госпожа целительница, место либо впереди, либо позади себя.

— Я сяду позади, — ответила я.

— Ну смотрите, госпожа целительница, — всё так же с усмешкой сказал дракон, — там сложно удержаться.

— Ничего, — ответила я, — я цепкая.

Глава 13

На этот раз грубиян Фэйд отвёз меня к каравану без всяких попыток унизить меня или посягнуть на моё удобство. Мне показалось, что, даже наоборот, теперь он старался ехать так, чтобы мне было комфортно.

А я вот нервничала, потому что боялась, что обозники нас не дождутся, и, вцепившись в дракона, кричала:

— Фэйд, давайте побыстрее поедем!

Но Фэйд молчал, пока, видимо, ему это не надоело, и в какой-то момент он сам мне крикнул:

— Перестань меня щекотать!

И мне очень хотелось язвительно сказать, что он такой большой дракон, а щекотки боится. Но я промолчала.

Когда мы подъехали к месту стоянки обоза, оказалось, что я зря переживала. Люди только-только начали просыпаться, на кострах разогревали остатки вчерашнего ужина.

А я сразу, только Фэйд мне помог слезть с лошади, побежала в свою кибитку. И, не обнаружив там малыша, сильно испугалась и с криком «Римус! Где мой ребёнок?!» ринулась вдоль повозок, установленных вокруг импровизированного стойбища.

— Да здесь я! — Из-за одной из повозок вышел Римус, на руках у него был мой сын. — Вот, не волнуйся, всю ночь за ним Ниса смотрела, а сейчас я её отпустил.

— Спасибо, Римус, — выдохнула я, еле отдышавшись, а ребёнок, видимо чувствуя, что я волнуюсь, захныкал.

Я обратила внимание, что в руке у Римуса — бутылочка с молочком. Забрала у него бутылку. Не знаю, он её сполоснул после вчерашнего или нет, но, поскольку он кормить-то уже начал, расстраиваться было поздно. Я подумала, что уж если у ребёнка дисбактериоз начнётся, уж я, как целительница, с этим точно справлюсь.

— Всё нормально с тобой? — спросил Римус, переведя глаза мне за спину.

Я повернулась: там стоял Фэйд.

— Всё хорошо, Римус, — кивнула я. — Просто господин Фэйд сильно торопился вчера, но мне даже работу предложили, — похвасталась я.

А Римус вдруг испугался:

— Ты что, покинешь нас?

— Нет, конечно, мы договорились, что до Лирна я еду с вами. А потом уже поеду с бароном, так что не волнуйся, Римус.

Я увидела, как расслабилось лицо обозника, и подумала, что, может, и хорошо, что я не останусь в Лирне, как было по плану Данора. Так никто и не будет знать, куда я на самом деле поехала.

— Ну тогда забирайся в свою кибитку, и поехали, — сказал Римус. — А то солнце скоро начнёт припекать.

Ну, до того момента, как солнце начнёт припекать, ещё,

конечно, было достаточно много времени, но Римус был прав: раньше выедем — значит, раньше приедем.

Я устроилась в кибитке. Правда, это оказалось ненадолго, потому что, как только нас нагнал барон Мирбах, от него сразу подъехал «миляга» Фэйд и передал мне приглашение от барона переехать в карету, где находился мальчик.

Я сначала испугалась, что мальчишке снова плохо, но Фэйд успокоил меня, сказав, что барон не нарадуется: мальчик и поел, и весел.

— Но я не могу оставить сына, — сказала я, — переехать могу, но только вместе с малышом.

Фэйд странно скривился, но сообщил, что я могу идти вместе с ребёнком.

Я собрала свой нехитрый скарб, взяла ребёнка и предупредила Римуса, что поеду в карете господина барона, чтобы они меня могли найти, если понадобится.

И Римус снова спросил, не заставляют ли меня. Я чуть не прослезилась от такой заботы и поблагодарила мужчину, успокоив его, что действую добровольно.

В карете барона было удобно. Во-первых, там были установлены какие-то артефакты, и ход был более плавный. А во-вторых, мне самой было спокойнее ехать рядом с мальчиком: всё же у него была весьма непростая ситуация.

Погода была странная, никакой жары, обещанной Римусом, не было, но было довольно душно. В воздухе висело ожидание грозы или дождя, и я даже порадовалась возмож-

ности ехать в настоящей карете, которая была оборудована климатическими артефактами.

Та кровать, которую из себя представляла карета вчера ночью, сейчас была разобрана только наполовину, и на ней полулежал мальчик.

Мы с ним познакомились. Звали его Динор. И барон Мирбах приходился ему дедушкой. Родителей у Динора не было, и, насколько я поняла из рассказа господина барона, это в своё время и явилось причиной сегодняшнего состояния Динора.

Магия у драконов начинала формироваться вместе со взрослением организма, когда начинались гормональные изменения, примерно в десять-одиннадцать лет начинали потихоньку наполняться магические каналы. А пока ребёнок рос, ничем не наполненные магические каналы просто росли вместе с ним.

Динор вместе с родителями подвергся нападению неизвестных. Родителей убили сразу, и то ли мать спрятала мальчика, то ли его не заметили, но карету с убитыми сбросили в ущелье. Барон Мирбах ощущал, что внук жив, и почти сутки его искал. И нашёл. Мальчик выжил, но много времени провёл в холодной воде. И те зачатки магии, которые были в маленьком организме, спасли ему жизнь, но, увы, не смогли спасти от перелома позвоночника.

Лекари разводили руками. Целители говорили, что, когда придёт время и каналы начнут заполняться магией, есть

шанс, что мальчик выздоровеет.

И вот мальчику уже шёл двенадцатый год, магия стала появляться. Но из-за того, что часть каналов была не способна её принять, стало только хуже, появились боли, от которых ничего не спасало.

И они как раз ехали от одного из источников, находящихся в горах, пребывание в котором якобы положительно влияло на восстановление магических каналов.

Я спросила, что за источник, и по всему описанию мне показалось, что это что-то радиоактивное, типа радоновых ванн. Я, конечно, не была уверена, ориентировалась на характеристики, которые дал господин барон. Вокруг источника не было растительности, зато присутствовали определённые минеральные отложения и специфический запах. Может, конечно, в этом мире, в воду попадает какой-то другой газ, но в любом случае в том состоянии, в котором мальчик был, когда я его увидела вчера, ему пока такие ванны были категорически противопоказаны. Потому что не просто так у него появились боли, они стали следствием развившегося воспалительного процесса.

«Бедный Динор!» — подумала я.

И то, что я вчера немножечко попыталась сделать, оздоровив его организм, сняв интоксикацию и уменьшив воспаление, помогло убрать боль, и сейчас мальчик сидел с довольным лицом, потому что у него ничего не болело.

Но я, глядя на него, видела, что я смогу поддерживать его

организм так, чтобы он не испытывал болей, но основную проблему всё равно надо будет решать. И здесь мне понадобятся хирургия и доверие со стороны барона Мирбаха. Да и самой надо себя проверить, потому что главное правило медика, и действует оно во всех мирах: не навреди.

Барон Мирбах обратил внимание на моего ребёнка.

«Ну что же, — пришла мысль, — этого следовало ожидать».

— Ваш сын — дракон, — неожиданно сказал барон. — Вы были замужем?

«Да, это не деревня, здесь не соврёшь», — подумала я, а вслух сказала:

— Нет, господин барон, я не была замужем.

— Простите, что выясняю, но как мог появиться ребёнок без подтверждённой связи?

А я вспомнила, как Морвена рассказывала мне, что у драконов всё очень заморочено. Как таковой не означает, что «увидел и больше жить без неё не можешь». Связь у драконов — это связь энергий между женским и мужским началом.

Сначала возникает симпатия, и если она взаимная, драконы могут подтвердить связь. И тогда возникает парная связь, которая обеспечивает драконов потомством и более-менее счастливой жизнью.

Я, честно говоря, и сама задумывалась о том, как всё это произошло между Лаэртом и Адарис. И с Морвеной мы это

обсуждали, она говорила, что, скорее всего, ребёнок появился из-за того, что Адарис прокляла Лаэрта. Магия связалась, вот только связь это была через проклятие.

— Откуда вы? — спросил барон.

Я назвала деревню, где жили Адарис с Морвеной.

Он слегка нахмурился, но потом переспросил:

— А где вы родились?

«Хороший вопрос, — подумала я. — Вообще-то, в Нижнем Новгороде, но не думаю, что здесь есть такой город».

Поэтому я сказала, что когда-то моей покровительницей была Луна.

И барон больше не спрашивал меня. Видимо, этого ему оказалось достаточным, чтобы понять, и откуда у меня ребёнок, и где я когда-то проживала.

— Простите, госпожа целительница, что я так подробно вас спрашивал, — сказал барон Мирбах. — Просто я должен понимать, не явится ли отец вашего ребёнка, чтобы забрать вас вместе с ним. Но теперь вижу, что не явится. — Барон пару мгновений помолчал, а потом добавил: — Не волнуйтесь, в моём замке вам ничего не угрожает.

Я улыбнулась.

Но, как потом оказалось, барон и сам не знал, что нас будет ждать в будущем.

Глава 14

Дальнейшее наше путешествие прошло без приключений. К вечеру Динору стало хуже, но это было нормальное явление: вечером вообще всегда происходит ухудшение состояния при воспалении. Меня не удивляло то, что у драконов в человеческой форме это было так же, как и у людей. Мне даже казалось, что у драконов это происходит гораздо интенсивнее.

Вообще, если по науке, то такое явление связано с колебаниями уровня кортизола в крови: утром, после сна и отдыха, его всегда больше, а к вечеру уровень падает, и иммунная система получает возможность активнее бороться воспалением. Что приводит и к повышению температуры, и к ухудшению самочувствия; и помимо этого, за день в любом организме, если есть воспаление, накапливаются токсины, и это тоже влияет на самочувствие.

Но я же не могла этого объяснить барону именно с такой точки зрения, поэтому, когда он занервничал, видя, что Динору стало хуже, и попытался указать мне, что я не должна спокойно на это реагировать, мне пришлось выставить барона из кареты.

Выставив барона, я спокойно начала осторожно воздействовать целительской магией на поражённые участки. Оказалось, что вчера я не заметила, что у мальчика было неболь-

шое воспаление в верхних дыхательных путях, которое грозило перерасти в большую проблему, если его не лечить.

Я думаю, что это произошло из-за того, что мальчик мало двигался. Даже сейчас, весь этот день пути в обозе, барон не разрешил его вынести на улицу, хотя было две остановки. Я пыталась убедить барона, что свежий воздух необходим, но мне не удалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.